

КОНФЕРЕНЦИЯ

А. В. Духанина (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ ЖИТИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

При изучении творчества Епифания Премудрого, а также языка его произведений перед исследователями встает сложная текстологическая проблема, связанная с одним из созданных этим книжником житий — Житием Сергия Радонежского. Это сочинение Епифания несколько раз впоследствии редактировалось Пахомием Сербом: насчитывают от 2 до 6 пахомиевских редакций (не считая проложную)¹. Для изучения епифаниевского Жития Сергия прежде всего необходимо выделить среди существующих редакций собственно епифаниевский текст. Эта проблема решалась текстологами по-разному. По мнению большинства исследователей, епифаниевский текст частично сохранился в составе так называемой Пространной редакции Жития, которая была создана, по-видимому, в начале XVI века (самый ранний список этой редакции, обладающий, как считает Б. М. Клосс, свойствами протографа, датируется 20-ми годами XVI века)². Впервые мысль о том, что текст Епифания сохранился в составе этой редакции, высказал В. О. Ключевский, мнение которого разделяли также Е. Е. Голубинский, А. И. Клибанов, В. А. Грихин³. Эту точку зрения уточнил В. М. Яблонский, предположив, что перу Епифания принадлежит только первая часть Пространной редакции, до главы «О изведении источника»⁴. В последнее время новые аргументы в пользу этой версии были представлены В. М. Кириллиным и Б. М. Клоссом⁵.

¹ Так, Н. С. Тихонравов и В. О. Ключевский выделяли две пахомиевские редакции (см.: *Тихонравов Н. С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского*. М., 1892. Отд. II. С. 172–210; *Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник*. М., 2003. С. 97–98), В. М. Яблонский — пять (см.: *Яблонский В. М. Пахомий Серб и его агиографические писания*. СПб., 1908. С. 37–66), Б. М. Клосс обнаружил среди обследованных списков еще одну, неизвестную ранее редакцию ЖСР, тем самым насчитав всего 6 редакций Жития, созданных Пахомием Сербом (см.: *Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского // Клосс Б. М. Избранные труды*. М., 1998. Т. I. С. 129).

² Там же. С. 155.

³ *Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник*. С. 84–85; *Голубинский Е. Е. Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра*. М., 1909. С. 7–8; *Клибанов А. И. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева // Андрей Рублев и его эпоха*. М., 1971. С. 67; *Грихин В. А. Творчество Епифания Премудрого и его место в древнерусской культуре конца XIV — начала XV века*. АКД. М., 1974. С. 5.

⁴ *Яблонский В. М. Пахомий Серб и его агиографические писания*. С. 62.

⁵ *Кириллин В. М. Епифаний Премудрый как агиограф Сергия Радонежского: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы*. М., 1994. Сб. 7. Ч. 2. С. 264–275; *Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского*. С. 155–159.

Однако существуют и иные взгляды на данную проблему. Так, В. П. Зубов полагал, что Пространная редакция является компиляцией различных редакций и в ней можно обнаружить лишь отдельные «куски первоначальной редакции Епифания», а согласно Н. С. Тихонравову и А. Просвирнину епифаниевской является редакция, старший список которой — РГБ. Троиц. № 746 (пахомиевская редакция Б по В. М. Яблонскому)⁶. Между тем исследование списка Троиц. № 746, проведенное В. А. Кучкиным, показало, что он представляет собой единую, самую раннюю из известных пахомиевскую редакцию Жития Сергия⁷.

Исследование образования и функционирования некоторых глагольных форм во всех существующих редакциях Жития Сергия Радонежского в сопоставлении с другими агиографическими сочинениями Епифания Премудрого и Пахомия Серба выявило дополнительные лингвистические данные, позволяющие по-новому взглянуть на эту текстологическую проблему. Рассматривались только житийные произведения обоих авторов, потому что сочинения других жанров, например, похвальные слова или службы, могут иметь некоторые особенности в отношении употребления ряда глагольных форм: так, для похвального слова в целом не характерны нарративные контексты, в которых может употребляться настоящее историческое, диалогическая речь и т. п.

Язык епифаниевских житий (в первую очередь, Жития Стефана Пермского) отличается рядом особенностей в системе глагола, которые не характерны ни для языка пахомиевских житий, причем как оригинальных, так и созданных им редакций других житий, ни в целом для житийных текстов XV века, написанных на стандартном церковнославянском языке. Речь идет о следующих особенностях:

1) широкое (сравнительно с другими агиографическими текстами) употребление форм перфекта, частый пропуск связки перфекта в 3 л. (более чем в 50% случаев);

2) возможность использования форм «русского плюсквамперфекта»;

3) частое употребление вторичных имперфективов с суффиксом *-ива / -ыва*;

4) использование настоящего исторического в «имперфектном» значении.

Тем самым в Житии Стефана Пермского — на фоне вполне нормативного в целом употребления глагольных форм — ярко выделяются некоторые черты, позволяющие нам говорить об определенной специфике нормативных установок Епифания Премудрого в области системы глагола.

Замечательно, что первая часть Пространной редакции Жития Сергия Радонежского, приписываемая большинством исследователей Епифанию (далее — 1-я часть Жития Сергия), занимает промежуточное положение между Житием Стефана, с одной стороны, и сочинениями Пахомия Серба — с другой, в отношении перечисленных особенностей. В этой части текста отмечены лишь первая и вторая названные черты, при том что во всех остальных редакциях Жития Сергия не наблюдается ни одна из них (!). Таким образом, можно говорить о некоторых лингвистических данных в пользу гипотезы о принадлежности 1-й части Пространной редакции Жития Сергия перу Епифания Премудрого.

Обратимся к материалу памятников.

Каждое из епифаниевских житий исследовано по нескольким спискам:

Житие Сергия Радонежского (епифаниевская часть Пространной редакции)⁸:

1) РГБ. МДА № 88. Л. 276—349 (самый ранний — 20-е года XVI века; обладающий, по мнению Б. М. Клосса, свойствами протографа);

2) ГИМ. Епарх. № 387. Л. 1—79 об., 86 об. — 93 (вторая половина 20-х годов XVI века);

⁶ Зубов В. П. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб. (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского») // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. IX. С. 147; Тихонравов Н. С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. Отд. II. С. 172—210; Просвирнин А. В похвалу преподобному Сергию, игумену Радонежскому, всея России чудотворцу // Богословские труды. Сб. II. М., 1973. С. 211—213.

⁷ Кучкин В. А. О древнейшем списке Жития Сергия Радонежского // Поволжье и сопредельные территории в Средние века. Труды ГИМ. М., 2002. Вып. 135. С. 96—107.

⁸ Датировка и особенности списков приводятся по исследованию Б. М. Клосса (см.: Клосс Б. М. Избранные труды. Житие Сергия Радонежского. С. 215—220).

- 3) РНБ. ОЛДП F. 185. Л. 486—536 (20—30-е годы XVI века; неполный, без конца);
 4) РНБ. Сол. № 997/1106. Л. 32—151 (30—40-е годы XVI века);
 5) РГАДА. Мазур. № 662. Л. 1—54 (сер. XVI века; неполный, без начала);
 6) РГБ. Троиц. № 698. Л. 1—107 (50-е годы XVI века) — из него приводятся цитаты (обозначается: 1-я часть ЖСР).

Житие Стефана Пермского:

- 1) РНБ. Вяз. Q. 10. Л. 129—200 об. (80-е годы XV века — 2-й по древности из известных на сегодняшний день списков этого жития);
 2) РНБ. Пог. № 862. Л. 253—348 об. (нач. XVI века);
 3) ГИМ. Увар. № 46. Л. 257—338 об. (нач. XVI века);
 4) ГИМ. Син. № 91. Л. 650—777⁹ (нач. XVI века) — по этому списку цитируется текст памятника (обозначается: ЖСП);
 5) ГИМ. Чуд. № 313. Л. 509 об. — 601 об. (конец XVI века).

Для сопоставления исследованы следующие сочинения Пахомия Серба: вторая часть Пространной редакции Жития Сергия, все 6 пространных и проложная редакция Жития Сергия, Житие Никона Радонежского пространной и краткой редакций, жития митрополита Алексия, архиепископа новгородского Евфимия, Кирилла Белозерского, Саввы Вишерского, Варлаама Хутынского, архиепископа новгородского Моисея, а также Слово о перенесении мощей митрополита Петра. Как правило, каждый текст исследовался в нескольких списках (все они перечислены в таблице 3).

Наиболее яркой особенностью языка епифаниевских житий в области системы глагола является употребление сложных претеритов. Прежде всего обращают на себя внимание формы перфекта, использование которых отличается от прочих исследованных текстов, причем противопоставленными оказываются Житие Стефана Пермского и 1-я часть Пространной редакции Жития Сергия, с одной стороны, и остальные редакции Жития Сергия и все пахомиевские жития — с другой.

В обоих епифаниевских житиях формы перфекта встречаются довольно часто: в Житии Стефана Пермского с учетом разночтений — всего 248 форм, в епифаниевской части Жития Сергия — 51, формы перфекта всегда употребляются в свойственном им грамматическом значении, перфектном или плюсквамперфектном, при этом в 3 л. часто опускается связка (в 63% форм 3 л. в Житии Стефана Пермского и в 80% — в Житии Сергия). Кроме того, в одном случае в Житии Стефана Пермского связка опущена и в 1 л. (см. таблицу 1).

Таблица 1. Употребление форм перфекта в Житии Стефана Пермского и 1-й части Жития Сергия¹⁰.

Житие	Кол-во форм перфекта	1–2 л			3 л		
		всего	со связкой	без связки	всего	со связкой	без связки
Житие Стефана Пермского	248	105	104	1	143	52	91 (~63%)
1-я часть Жития Сергия	51	21	21	—	30	6	24 (~80%)

Наличие-отсутствие связки в формах 3 л. перфекта в житиях Стефана Пермского и Сергия Радонежского имеет своеобразное распределение, связанное с типом контекста.

⁹ По изд.: Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / В. Г. Дружинин. СПб., 1897.

¹⁰ Приводится общая статистика по данным всех исследованных списков обоих житий: учтены те формы, которые представлены во всех или в большинстве списков.

Таблица 2. Распределение форм перфекта 3 л. со связкой и без связки по типам контекстов в Житии Стефана Пермского и 1-й части Жития Сергия.

Житие	Прямая речь			Авторская речь		
	всего	со связкой	без связки	всего	со связкой	без связки
Житие Стефана Пермского	85	45	40	58	7	51
1-я часть Жития Сергия	8	4	4	22	2	20

Так, в прямой речи персонажей в обоих житиях форм со связкой и без нее примерно поровну (см. таблицу 2). Ср., например, в прямой речи — без связки:

...и вси начаша глати: <...> Почтѣ* і ѡвида си бысть на ны ѿ Москвы, се ли естѣ правосудіе еа, имѣюще оу себе митрополиты, сѣли, а оу насѣ быль единѣ епѣпѣ, і того к' себѣ вѣа, и нѣ быхомѣ не имоуще ни гроба епѣпѣ! Единѣ тѣ быль оу насѣ епѣпѣ, то же быль на^м законодавецъ и законоположникъ... (ЖСП. Л. 749 об.);

блжнныи* оуноша въздохнувъ ѿ срѣца и рече. възистиною изгла гнѣ мои. се и мнѣ любо ѣ. и азъ того* хотѣх и смышлалх и желеетъ || дѣша моа е* съврѣшити сѣати цркви въ нма сѣиа трѣца. но смиреніа ра^а въпрашах тѣ. и се гѣ бѣ не остави мене и желаніе срѣца моего далъ ми. и хотѣніа моего не лишилъ ма. (1-я часть ЖСР. Л. 42—42 об.) и др.

Другой тип контекстов можно условно назвать авторской речью: имеется в виду собственно повествование, где формы перфекта приобретают плюсквамперфектное значение, т. е. употребляются относительно, а также рассуждения автора, по типу режима сближающиеся с прямой речью (поскольку в таких случаях имеет место ориентация на момент речи говорящего — автора), поэтому в них формы перфекта используются в своем исходном грамматическом значении. Эти контексты отличаются от прямой речи персонажей тем, что формы без связки в них преобладают, причем в обоих житиях (см. таблицу 2), например:

Анрѣи же братъ Петрѣ проповѣда словъ Бжїе Скѣдѣ^м и Фракомѣ <...> и многы елѣины грекы наоучи. Аще и в Рустѣи земли быль, повѣдаю^т его рѣкою Днѣпромѣ ѿ мѡра пришѣша, и подѣ Киевомѣ столѡша, а града Кіева [тогда]¹¹ еще не было, но точію вахоу поусты гѡры (ЖСП. Л. 662);

на^м же мнитсѣ сице быти како сїи ма^аденецъ из'млада бѣ гѣи рачитель. иже в самои оутровѣ и ѿ оутровы мѣрна кѣ вѣоразоумію прилѣпѣ иже ѿ самѣх пеленѣ ба позналъ и въправдоу оуразоумѣлъ. (1-я часть ЖСР. Л. 17 об.) и под.

Итак, рассмотренные выше особенности употребления форм перфекта 3 л. характеризуют в равной степени оба жития, принадлежащие перу Епифания Премудрого: и Житие Стефана Пермского, и 1-ю часть Пространной редакции Жития Сергия.

Относительно использования форм перфекта 1—2 л. в исследуемых житиях заметим, что в основном здесь нет ничего необычного: в обоих житиях такие формы представлены со связкой. Однако в Житии Стефана Пермского в одном случае встречается пропуск связки в 1 л. при наличии личного местоимения: онъ же ми ѡвѣща: не оумѣю азъ оумолвити ѡгна и вѡды, не оучилсѣ азъ сего... (ЖСП. Л. 711). Поскольку в рассматриваемый период в живом древнерусском языке азъ-есмь и под. выступали как синтаксические синонимы и составляли оппозицию, в которой личное

¹¹ В примерах из ЖСП в квадратных скобках приводятся чтения, пропущенные в списке ГИМ. Син. № 91, но имеющиеся в других списках: РНБ. Вяз. Q. 10. Пог. № 862; ГИМ. Увар. № 46.

местоимение было маркированным членом¹², то в сочетании «**НЕ ОУЧНЛ'СА АЗЪ**» местоимение **АЗЪ**, очевидно, заменяет связку **ЕСМЬ** с целью актуализации значения местоимения. В 1-й части Пространной редакции Жития Сергия подобных примеров не встретилось.

Таким образом, оба епифаниевских жития отличаются своеобразием в употреблении перфекта, формы которого частотны и в большинстве случаев в 3 л. связки не имеют (особенно часто — в контекстах авторской речи).

Подобное употребление перфекта отличается от того, что наблюдается в большинстве текстов, написанных на стандартном церковнославянском: как правило, в таких текстах, во-первых, формы перфекта очень редки и, во-вторых, использование их без связки обычно не допускалось — оно встречается лишь в единичных случаях¹³.

Именно так формы перфекта употребляются в пахомиевских житиях, как написанных, так и отредактированных им, в частности, во всех 6 редакциях Жития Сергия Радонежского (см. таблицу 3).

Таблица 3. Употребление перфекта в сочинениях Пахомия Серба¹⁴.

Житие	Кол-во форм перфекта	1–2 л			3 л		
		всего	со связкой	без связки	всего	со связкой	без связки
Пахомиевская часть Пространной редакции Жития Сергия (РГБ. Троиц. № 698. Л. 107–154)	12	11	11	—	1	1	—
1-я редакция ЖСР (РГБ. Троиц. № 746. Л. 209–261 об.; РГБ. Троиц. № 771. Л. 196–266)	9+[1] ¹⁵	8	8	—	1+[1]	—	1+[1]
2-я редакция Жития Сергия (ГИМ. Чуд. № 151. Л. 18–72; РНБ. Соф. № 1358. Л. 159 об. — 202; ГИМ. Епарх. № 288. Л. 149–280 об.)	12	8	8	—	4	3	1

¹² См. Хабургаев Г. А. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1978. № 4. С. 43–45; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 151–154.

¹³ См., например: Шевелова М. Н. Состояние грамматической нормы употребления видов-временных форм глагола в книжно-литературном языке Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XV–XVI веков. Канд. дис. М., 1986. С. 70–71.

¹⁴ Распределение списков ЖСР по редакциям в таблице 3 дано по классификации Б. М. Клосса (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 160–223), за исключением списка Троиц. № 746, который наряду с другими является списком единой, самой ранней из известных пахомиевской редакции ЖСР (см.: Кучкин В. А. О древнейшем списке Жития Сергия Радонежского. С. 107). У других исследователей редакции могут иметь другую последовательность, ср.: Яблонский В. М. Пахомий Серб и его агиографические писания. С. 65–66. Однако последовательность редакций для нашей работы не существенна, поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе.

¹⁵ Квадратными скобками помечена форма перфекта, содержащаяся в списке Троиц. № 746 1-й редакции ЖСР в вычеркнутой фразе.

3-я редакция Жития Сергия (РНБ. Ф. I. 306. Л. 74–123 об.)		18	15	15	—	3	3	—
4-я редакция Жития Сергия <i>основного вида</i> (РГБ. Троиц. № 116. Л. 355–396 об.), <i>троицкого вида</i> (РГБ. Троиц. № 778. Л. 20–116 об.; РГБ. Троиц. № 787. Л. 63–113 об.), <i>синодального вида</i> (РГБ. Тихонр. № 705. Л. 37–105 об.)		9	7	7	—	2	2	—
Редакция Жития Сергия с записью чудес 1449 г. (РГБ. Троиц. № 761. Л. 27 об. — 159 об.; ГИМ. Чуд. № 333. Л. 277 об. — 307 об.; ГИМ. Увар. № 1046 (78). Л. 87–179 об.)		10	8	8	—	2	2	—
5-я редакция Жития Сергия (ГИМ. Син. № 986. Л. 649–675 об.; ГИМ. Епарх. № 403. Л. 112–182 об.)		9	9	9	—	—	—	—
Проложная редакция Жития Сергия (РГБ. Троиц. № 116. Л. 412–414 об.; ГИМ. Син. № 986. Л. 647 в — 649 б; РГБ. Троиц. № 699. Л. 350–356)		—	—	—	—	—	—	—
Житие митрополита Алексея (РГБ. Троиц. № 789. Л. 5–26 об.; РНБ. Пог. № 949. Л. 659–668)		1	1	1	—	—	—	—
Житие Никона Радонежского	Пространной редакции (РНБ. Ф. I. 278. Л. 143–163 об.)	4	4	4	—	—	—	—
	Краткой редакции (РГБ. Троиц. № 116. Л. 5–26 об.; РГБ. Троиц. № 771. Л. 273–286 об.)	3	3	3	—	—	—	—

связкой (3 примера в Житии Кирилла Белозерского, ср.: **ѡни же начаша дивитиса како съи ѡвѣдѣ, ѡ немже ѡни пришли сѡ^т** (РГБ. Троиц. № 764. Л. 29)). В прямой речи персонажей форм перфекта без связки нет совсем.

В формах перфекта 1–2 л. в пахомиевских житиях связка сохраняется всегда.

Таким образом, даже если взять все исследованные тексты Пахомия в совокупности, то формы без связки не составят и пятой части всех форм 3 л. перфекта (4 из 22), причем представлены эти единичные формы без связки только в авторской речи. Такие единичные пропуски связки перфекта в 3 л. обычны для стандартных церковнославянских текстов. Следовательно, представления Пахомия о норме употребления перфекта вполне традиционны и отличаются от представлений Епифания Премудрого.

Поскольку наблюдаемое в епифаниевских житиях использование перфекта отличается от типичного для стандартного церковнославянского, эту особенность языка Епифания можно рассматриваться как достаточно весомое лингвистическое свидетельство в пользу предположения о принадлежности Епифанию Премудрому 1-й части Пространной редакции Жития Сергия.

Еще одно отличие епифаниевских житий связано с употреблением плюсквамперфекта. Эта форма в обоих сочинениях встречается нечасто: в Житии Стефана Пермского — всего 13 раз, в 1-й части Жития Сергия — 4, при этом, как правило, в значении, характерном для книжного плюсквамперфекта (действие или состояние, имевшее место в прошлом и являющееся актуальным для последующего временного плана в прошлом). Однако в 1 случае в Житии Стефана Пермского употребляется так называемый русский плюсквамперфект со связкой **было**: **Бѣи же сѣненникъ ѡвѣща, рече емѡ: сим ли хвалишиса, вкаанне, многобѡжїе вѣвда, и многы бѡгы нарицаешн, имже было подобало постыдѣтиса, по реченомоу: да постыдатса вси кланяющїиса истоуканымъ, хвалащїиса ѡ идолѣхъ свои^х** (ЖСП. Л. 703 об.). Как видно из контекста, эта форма имеет и значение, характерное для «русского плюсквамперфекта», — давнопрошедшего действия («...чего тогда следовало постыдиться...»)¹⁷: в берестяных грамотах формы **БЫЛ-** + **-л-** встречаются именно в этом значении (ср.: **оставили ма были людье** в начале грамоты № 724 (XII век))¹⁸.

Отметим также представленную в Житии Сергия «аномальную» форму **Бысть** + **-л-** в значении давнопрошедшего действия: **и слоучиса въ иное время сицево искоушенїе. понеже сѡ искоушенїе^м бывае^т и мѡтѣ бѣїа. нѣкогда недостало бѣ хлѣба и соли оу игоумена. но и въ все^м монастыри бѣ искоудѣнїе всѣхъ вращень.** (1-я часть ЖСР. Л. 90 об.). Механизм порождения этой формы, очевидно, связан с передачей книжными средствами того же «русского плюсквамперфекта»: можно предположить, что **недостало бѣ** появилось по аналогии с живой формой **недостало было** (к основе *бы-* присоединено книжное окончание). «Автором» этой формы мог быть и сам Епифаний. Однако поскольку рассматриваемая форма зафиксирована в Пространной редакции Жития Сергия, созданной, по-видимому, в XVI веке, нельзя исключать и возможность того, что ее ввел составитель Пространной редакции, заменив **было** на «более книжное», по его мнению, **Бысть**.

Наличие в житиях Стефана Пермского и Сергия Радонежского сложных глагольных форм со значением «русского плюсквамперфекта» также объединяет эти два текста, одновременно противопоставляя их пахомиевским житиям. У Пахомия плюсквамперфект крайне редок (максимальное количество — 9 форм в Житии Кирилла Белозерского), и это всегда книжный плюсквамперфект со вспомогательным глаголом **бѣ, баше, бѡху**, например: **тѣмже скоро тече къ стѣмѡ. кааса съ слезами ѡ сѡгрѣшенїи^х. исповѣдѡта емѡ бывшее. и како слаалъ баше разбонники на нь** (Житие Кирилла Белозерского. Троиц. № 764. Л. 19 об.).

¹⁷ Речь идет о временном значении формы **было подобало**. Модальное значение условности в этом контексте является элементом лексического значения глагола **подобати** (ср. тот же глагол в форме имперфекта в Житии Сергия: **достон^т же лснѣе рещи тако аще бы ми мошно было по моемоу недостоннѣствоу. то подобаше ми ѡтнѡу съ страхо^м оудобѣ мо||лчати. и на оустѣхъ свои^х прѣстѣ положить. свѣдоущоу свою немощь. а не и^носити ѡ оустѣ глѣ еже не по подобїю...** (1-я часть ЖСР. Л. 6 об. — 7)).

¹⁸ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 157–158.

Таким образом, можно отметить определенные различия грамматических норм Елифания и Пахомия и наличие особой грамматической установки у Елифания в отношении употребления сложных претеритов. Данный факт может свидетельствовать в пользу авторства Елифания при решении проблемы атрибуции 1-й части Пространной редакции Жития Сергия Радонежского.

Что касается происхождения этой грамматической установки, то этот вопрос требует дальнейшего изучения. Заметим, что она может быть связана с влиянием, во-первых, Чудовской редакции Нового Завета (где формы 3 л. перфекта в 99% случаев не имеют связки), во-вторых, южнославянского извода церковнославянского языка (в среднеболгарском возможны случаи пропуска связки в формах 3 л. перфекта, связанные с формирующейся на основе перфекта категорией прошедшего времени пересказывательного наклонения, формальным выражением которой как раз и является пропуск связки в формах 3 л.), в-третьих, в определенной степени, возможно, живого древнерусского языка, где ко второй половине XIV века из всех форм прошедшего времени употреблялись только форма на -л- и «русский плюсквамперфект». Кроме того, эта установка могла поддерживаться возможностью единичных пропусков связки в формах перфекта в более ранних оригинальных русских житиях¹⁹.

Однако две другие особенности глагольной системы епифаниевских житий заставляют взглянуть на проблему атрибуции интересующего нас текста иначе, поскольку наблюдаются они только в Житии Стефана Пермского.

Прежде всего, в этом житии встречается довольно значительное количество форм вторичных имперфективов на *-ива / -ыва*: с учетом разночтений — 24 формы от 16 основ (4 формы от основы *составлива-*: *составливали* (Л. 730 об.), *составливали соуть* (Л. 731), *составливати* (Л. 731 об.), *составлива^а* (Л. 733 об.); 4 от основы *починива-*: *починивати* — дважды (Л. 732), *починиваша* (Л. 732), *починиваше* (Л. 733 об.); а также *оумедливаа* (Л. 657), *оумаливается* (Л. 688 об.), *не покидыванте* (Л. 695 об.), *не уставиванте* (Л. 695 об.), *не пометыванте* (Вяз. Q. 10. Л. 158 об.), *прекрадываешиса* (Л. 697 об.), *оумил'ливати* — дважды (Л. 710 об.; 711), *в'дергивахоу* (Л. 718), *ни наскакивалъ* (Л. 720), *ни насоуливал'са* (Л. 720), *складывати* (Л. 731 об.), *поучиваше* (Л. 733 об.), *приказываю* — дважды (Л. 741, 743), *оуставливаа* (Л. 743 об.)).

Эта модель имперфективации, по наблюдениям исследователей, крайне периферийна для книжной нормы и практически не представлена в житийных текстах, т. е. не характерна для стандартного церковнославянского (по-видимому, в силу близости к живому языку)²⁰. Относительно большое число таких примеров в Житии Стефана Пермского позволяет предположить, что у Елифания Премудрого имелся свой взгляд на эти образования: возможно, такие формы были для него немаркированными, т. е. он мог не оценивать их как не книжные, недопустимые в житии.

Однако, когда мы обращаемся к епифаниевской части Жития Сергия, картина оказывается несколько иной: здесь имеется только 1 форма на *-ива* **не наскакывалъ**, причем в контексте, представляющем самоцитату из ранее созданного автором Жития Стефана Пермского:

Внже, шедын на в'зысканіе епѣпа, паки в'з'вратиса к нимъ не приведъ его, единъ прїиде, никого* ведын съ собою, иже ше на взысканіе епѣпа, внезапоуток'мо самъ шврѣтеса епѣпъ, не бѣ вѣдалъ бывающа^а, яко быти епѣпомъ тѣмъ, и не добивал'са влѣства, ни вер'тѣлса [ни тѣлса] ни наскакивалъ, ни наоупал'са,

¹⁹ См. об этом подробнее: Духанина А. В. Особенности употребления перфекта в сочинениях Елифания Премудрого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 72–84.

²⁰ См.: Шевелева М. Н. Значение и употребление производных имперфективных основ в книжно-литературном языке средневековой Руси XV–XVI вв. (К вопросу о характере категории глагольного вида) // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола / Под. ред. Г. А. Хабургаева и А. Бартошевича. М., 1991. С. 130; Кукушкина О. В., Шевелева М. Н. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1991. № 6. С. 47–48.

ни насочливал'са посчлы, не дал' бѡ никомоу же ничто же, [и не взл' ѡ него ѿ поставленїа никто* ничто*] ни дара ни посочла ни м'зды... (ЖСП. Л. 720).

Ср.: **яко не о себѣ игоум'ство взл. но ѿ бѡ пороучено бѣ емоу начальство. не бо наскакывалъ на се. ни же превѣсхичалъ прѣ нѣкы". ни посчловь сочлнлѣ ѿ сего. ни м'зды давалъ яко* твора^т нѣцїи самолюбци сочце** (1-я часть ЖСР. Л. 76 об.).

Хорошо видно, что в Житии Сергия контекст сильно сокращен: из 9 глагольных форм контекста Жития Стефана Пермского, описывающего смиренное поведение Стефана, в Житии Сергия, написанном не менее чем 10 лет спустя после Жития Стефана Пермского²¹, остались только 4 — остальные формы были устранены. Из имперфективов на *-ива* при этом сохранился только один (**не наскакывалъ**), другой же был заменен на синонимичное образование не на *-ива* (**насочливал'са** — на **сочлнлѣ**). Тем самым, из двух форм на *-ива* одна была потеряна, но одна сохранилась, что само по себе показательно, учитывая переработку и сокращение контекста.

В исследованных пахомиевских житиях имеется только 1 форма на *-ива*, в Житии архиепископа Моисея: **налтѣ преписывати** (ГИМ. Увар. № 1248 (911), Л. 335 об.), в позднем списке рубежа XVII—XVIII веков. Не исключено, что форма **преписывати** могла первоначально у Пахомия выглядеть как **преписовати** (подобные замены гласной в суффиксе *-ова* на *-ыва* под пером переписчика встретились нам, например, в разных списках 4-й Пахомиевской редакции Жития Сергия, причем в самом раннем списке этой редакции — РГБ. Троиц. № 116, предположительно оригинале, имеется как раз форма с суффиксом *-ова*). Таким образом, надежных примеров таких форм в пахомиевских житиях нет. В других сочинениях Пахомия нам встретилась только форма **заглаживаются** в Сказании о чуде Варлаама Хутынского 1460 года. Очевидно, для Пахомия подобные образования на *-ива*/*-ыва* были ненормативными и недопустимыми в агиографическом тексте. Такая же картина в целом представлена, как уже отмечалось, и в других агиографических сочинениях того периода.

В объяснении нуждается прежде всего факт различия двух епифаниевских житий в отношении использования вторичных имперфективов на *-ива*/*-ыва*. Возможно, речь идет о пересмотре отношения автора к нормативному статусу этих форм: во время работы над Житием Стефана Пермского формы на *-ива* могли не рассматриваться Епифанием как не книжные или же вообще обладающие какой-либо маркированностью, но впоследствии лингвистические установки Епифания в этом пункте могли измениться (как уже говорилось, жития создавались с интервалом в 10 лет или более).

Однако допустимо и другое объяснение: формы на *-ива*/*-ыва* могли быть устранены их текста Жития Сергия составителем Пространной редакции, посчитавшим их ненормативными, а в первоначальном епифаниевском тексте Жития они были. Здесь вопрос остается открытым.

В пользу высказанной нами версии о пересмотре Епифанием Премудрым нормативного статуса вторичных имперфективов на *-ива*/*-ыва* свидетельствует сходная ситуация с еще одной особенностью употребления глагольных форм в сочинениях Епифания — характером использования настоящего исторического²².

Наблюдения исследователей показывают, что использование настоящего исторического в древнерусской книжности претерпевало определенные изменения со временем и имеет некоторые

²¹ Житие Сергия Радонежского было написано Епифанием в 1418 году, через 26 лет после смерти Сергия, как автор сам пишет в предисловии (1-я часть ЖСР. 2). Традиционно считалось, что Житие Стефана Пермского было создано в 90-е годы XIV в. (см.: Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (Вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1. А—К. С. 212), однако в последнее время Б. М. Клосс предложил другую датировку — 1408—1409 годы (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 98).

²² Настоящим историческим принято называть употребление презенса в нарративном режиме при обозначении единичного (не узуального) действия, относящегося к плану прошлого. Согласно общепринятой точке зрения, значение формы в настоящем историческом имеет переносный характер, т. е. настоящее время в данном случае совпадает не с моментом речи, а с текущим моментом текстового времени или какой-то другой точкой отсчета (см.: Кузнецов П. С. К вопросу о *praesens historicum* в русском литературном языке // Доклады и сообщения филологич. ф-та МГУ. 1949. Вып. 8.; Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971. С. 142—150 и др.).

отличия, связанные с типом текста. В ранних восточнославянских памятниках настоящее историческое встречается очень редко, причем представлены формы как НСВ, так и СВ, образующие, по-видимому, довольно последовательное видовое противопоставление, так как формы НСВ употреблялись только в так называемом имперфектном значении (часто — в окружении имперфектов), выражая одновременные действия в процессе их протекания (ср.: **СЕГО РАДИ ГНѢВЪ ПРОСТРЕСА. СЕГО РАДИ ЗЕМЛА МЪЧЕНА БЫ. ШВИ ВЕДУТЬСА ПОЛОНЕНИ. ДРУЗИН ПОСѢКАЮМЪ БЫВАЮТЬ ГОРКУЮ СМЪРТЬ ПРИЕМЛЮЩЕ. ДРУЗИН ТРЕПЕЧУТЬ ЗРАЩЕ ОУБИВАЮМЪ**). (ПВЛ по Лавр. Списку. Л. 74–74 об. Ст. 223, 1093 г.)²³. В XV веке в житийных текстах настоящее историческое НСВ начинает использоваться гораздо интенсивнее, в качестве устойчивого приема повествования и уже в другом значении — «событийном»²⁴, обозначая законченные, иногда последовательно сменяющие друг друга действия, такие формы обычно представлены в контекстах с аористами (ср.: **ПРІИДЕ ЖЕ ЕМУ ВЪ ОУМЪ ЛЮБОВЬ И РАЧЕНІЕ ИНОЧЕСКАГО ШЕРАЗА. И ИДЕ ВЪ ЕДИНЪ Ѡ МАНАСТЫРЕИ И ВЪ МНИШЕСКАА УДѢВАЕТСА. И ПОСТРИЗАЕТЪ ВЛАСИ ГЛАВЫ || СВОЕА** (Житие митрополита Алексия Пахомиевской редакции; РГБ. Троиц. № 789. Л. 7 об. — 8)); при этом формы настоящего исторического СВ и настоящего исторического НСВ в «имперфектном» значении также изредка продолжают встречаться. Все эти изменения в употреблении настоящего исторического принято связывать со вторым южнославянским влиянием: «событийное» настоящее историческое НСВ становится фактически обязательным элементом житийного стиля «плетения словес» и свидетельствует о принадлежности текста к стандартному регистру церковнославянского языка (в летописных и других текстах гибридного регистра настоящее историческое продолжает использоваться преимущественно в «имперфектном» значении)²⁵. Собственно, первым и весьма авторитетным церковнославянским памятником русского извода, в котором отмечено активное использование настоящего исторического НСВ в «событийном» значении — именно как устойчивый прием повествования, является Чудовский Новый Завет: особенность этой редакции в том, что ее создатель последовательно передает формами настоящего исторического греческий *praesens historicum*²⁶.

Замечательно, что епифаниевские жития различаются характером употребления настоящего исторического: более раннее Житие Стефана Пермского по этому признаку примыкает к повествовательным текстам раннего периода, а написанное позднее Житие Сергия находится в одном ряду с оригинальными русскими житиями, созданными в период второго южнославянского влияния. И это при том, что оба сочинения являются первыми и самыми яркими образцами стиля «плетение словес» в древнерусской письменности, в особенности Житие Стефана Пермского!

Собственно, различаются два епифаниевских жития употреблением настоящего исторического НСВ. В Житии Стефана Пермского форм презенса со значением настоящего исторического 27 (2 из них СВ). При этом самое интересное, что практически все формы НСВ (а именно: 23) имеют «имперфектное» значение, причем в одном контексте может содержаться несколько таких форм, например:

²³ См. Мишина Е. А. Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // Древние языки в системе университетского образования. М., 2001. С. 198–200.

²⁴ Термины «имперфектное» и «событийное» для обозначения двух значений настоящего исторического НСВ в современном русском языке были предложены Е. В. Падучевой (см.: Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С. 288–289). Е. А. Мишина предлагает называть «имперфектное» значение настоящего исторического «процессным» во избежание путаницы со значением имперфекта в церковнославянском языке (см.: Мишина Е. А. Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI–XV вв. С. 199).

²⁵ Подробнее см.: Шевелева М. Н. Состояние грамматической нормы употребления видо-временных форм глагола в книжно-литературном языке Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XV–XVI веков. С. 84–93; Мишина Е. А. Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI–XV вв. С. 201–202.

²⁶ См., например: Колесов В. В. Динамика форм прошедшего времени в древнерусских памятниках // История русского языка (древнерусский период). Проблемы исторического языкознания. Л., 1976. Вып. 1. С. 82–83; Пентковская Т. В. Чудовская редакция Нового Завета и ее взаимоотношение с другими редакциями // *Palaeobulgarica* / Старобългаристика. 2003. XXVII. № 3. С. 23–24.

Что касается форм настоящего исторического СВ, то они представлены единичными примерами во всех исследованных текстах. Так, в Житии Стефана Пермского и 1-й части Пространной редакции Жития Сергия, как уже отмечалось, встречаются по 2 формы настоящего исторического СВ. Столь же немногочисленны (не более 2 форм в тексте) формы настоящего исторического СВ и в пахомиевских житиях. Так что по этому признаку епифаниевские и пахомиевские жития не противопоставлены.

Таким образом, Житие Стефана Пермского выделяется среди всех рассмотренных произведений характером употребления настоящего исторического НСВ. Специфика этого жития в том, что в связи с преимущественно «имперфектным» значением таких форм оно оказывается примыкающим к древнерусским текстам более раннего периода (до второго южнославянского влияния), причем, как правило, гибридным. Впрочем, такое употребление настоящего исторического характеризовало и более поздние повествовательные тексты, написанные на гибридном церковнославянском. Однако отнесение Жития Стефана Пермского к произведениям гибридного регистра вряд ли оправданно: этому противоречат и чрезвычайно сложный книжный синтаксис, и абсолютно правильное использование простых претеритов. Кроме того, не стоит забывать и о наличии, пусть и в незначительном количестве, форм в «событийном» значении. С другой стороны, 1-я часть Пространной редакции Жития Сергия ничем не отличается от пахомиевских житий в отношении использования настоящего исторического, вполне отвечая по этому показателю стилю «плетения словес». Указывает ли данный факт на то, что эта часть Пространной редакции не является оригинальным епифаниевским текстом? Казалось бы, ответ напрашивается сам собой. Но при внимательном рассмотрении он уже не столь очевиден.

Житие Стефана Пермского было первым опытом Епифания Премудрого в агиографии, причем явно новаторским — ведь оно впервые продемонстрировало новый для древнерусской книжности стиль, что, безусловно, требовало от автора прежде всего определения места своего произведения среди уже существующих текстов того же жанра, в том числе в языковом отношении. Опираясь на известные ему жития, Епифаний должен был последовать им. Именно так можно объяснить употребление настоящего исторического НСВ в «имперфектном» значении в его первом сочинении. При этом формы в «событийном» значении он использует пока весьма осторожно, можно сказать, примеривается к ним. В созданном гораздо позже Житии Сергия Епифаний, во-видимому, пересматривает свое отношение к этой форме — использует ее уже как устойчивый литературный прием, возможно, под влиянием других авторитетных текстов, например, того же Чудовского Нового Завета. Возможна и версия, связанная с составителем Пространной редакции, который мог переработать епифаниевский текст, введя в него эти формы, ставшие к XVI веку характерным признаком житийного повествования.

Итак, к каким выводам приводит нас анализ рассмотренных выше лингвистических особенностей двух епифаниевских житий? Можно ли сказать, что оба текста принадлежат перу одного автора?

Распределение этих особенностей употребления глагольных форм в епифаниевских и пахомиевских житиях оказывается следующим:

		Житие Стефана Пермского	1-я часть Жития Сергия	Пахомиевские жития
перфект	частое использование	+	+	—
	отсутствие связки более чем в 50% форм 3 л.	+	+	—
Наличие «русского плюсквамперфекта»		+	+ / —	—
Частое использование вторичных имперфективов на <i>-ива / -ыва</i>		+	—	—

Использование настоящего исторического НСВ в «имперфектном» значении	+	+	—
Частое использование настоящего исторического НСВ в «событийном» значении	—	+	+

Из приведенной таблицы видно, что 1-я часть Жития Сергия занимает промежуточное положение по совокупности рассмотренных признаков: из представленных в Житии Стефана Пермского особенностей употребления глагольных форм в 1-й части Пространной редакции Жития Сергия зафиксированы лишь некоторые, но при этом ни одна из них не была нами отмечена в пахомиевских житиях! Подчеркнем, что во всех редакциях Жития Сергия, кроме 1-й части Пространной, употребление глагольных форм по всем названным параметрам не отличается от других пахомиевских житий.

Строго говоря, этот факт может служить аргументом для любой из трех возможных версий, выдвигаемых при атрибуции 1-й части Пространной редакции Жития Сергия: она может быть оригинальным епифаниевским текстом, одной из пахомиевских редакций и, наконец, новой редакцией епифаниевского текста, созданной в начале XVI века составителем Пространной редакции. При этом каждая из трех версий в свете описанных лингвистических особенностей как епифаниевских, так и пахомиевских житий нуждается в дополнительных объяснениях и допущениях, т. е. ни одна из них не является абсолютно доказанной и однозначно решающей поставленную проблему.

Первая версия — об авторстве Епифания, принятая текстологами, в пользу которой свидетельствует характер употребления форм перфектной группы, требует объяснения остальных различий между двумя епифаниевскими сочинениями. Это приводит нас к необходимости предположить возможность пересмотра автором с течением времени нормативных и даже стилистических (как в случае с настоящим историческим) установок, что в принципе могло иметь место и на что отчасти указывает характер употребления настоящего исторического в Житии Стефана Пермского.

Принятие второй версии, по которой данный текст является одной из пахомиевских редакций (использованных наряду с 4-й и 5-й составителем при создании новой Пространной редакции Жития Сергия в начале XVI века), нуждается, наоборот, в объяснении сходства в употреблении перфекта между этой редакцией Жития Сергия и Житием Стефана Пермского и противопоставленности их всем прочим сочинениям Пахомия по этому признаку. Но поскольку отсутствие вторичных имперфективов на *-ива/-ыва* и характер использования настоящего исторического сходны в пахомиевских житиях и 1-й части Пространной редакции, практически невозможно дать вразумительный ответ на вопрос: почему для форм перфекта при создании этой редакции Пахомий делает исключение, сохранив эту епифаниевскую особенность в редактируемом им тексте, хотя сам он в своих сочинениях так перфект не употребляет.

Наконец, согласно третьей версии, все рассмотренные особенности связаны с деятельностью составителя Пространной редакции. Можно предположить, что оригинальное епифаниевское Житие Сергия первоначально отличалось всеми теми признаками, что и Житие Стефана Пермского, но при составлении новой редакции Жития Сергия ее создатель что-то отредактировал (например, убрал ненормативные, с его точки зрения, формы на *-ива*). При этом многочисленные формы перфекта без связи он почему-то посчитал вполне нормативными, хотя их и нет во второй пахомиевской части, и это привело к явному противопоставлению двух частей одного текста, но не вызвало желания у составителя это противопоставление ликвидировать. Ситуация кажется маловероятной, особенно если учесть, что согласно этой версии составитель новой редакции должен был активно вмешиваться в авторский текст: вводить настоящее историческое НСВ в «событийном» значении, заменив им ряд простых претеритов

и, возможно, убрав формы в «имперфектном» значении. Однако этого противоречия можно избежать, если принять версию о том, что Пространная редакция была составлена из разных редакций практически без редактирования исходных текстов, т. е. именно составлена, а не просто вновь отредактирована.

Из всех приведенных версий, на наш взгляд, не отличается явными противоречиями только первая. Именно поэтому мы склонны считать, что те особенности употребления глагольных форм, которые обнаруживаются в епифаниевских житиях, следует трактовать в пользу Епифания при решении проблемы атрибуции 1-й части Пространной редакции Жития Сергия Радонежского.